

Глава VIII. Учение Толстого

1. Общие замечания

1. Лев Николаевич Толстой родился в 1828 году, в Ясной Поляне Крапивенского уезда Тульской губернии. С 1843 до 1846 года он изучал в Казани сначала восточные языки, потом право, которым он продолжал заниматься с 1847 по 1848 год в Петербурге. После довольно продолжительного пребывания в Ясной Поляне Толстой поступил в 1851 году на военную службу в один артиллерийский полк на Кавказе. Там он был произведен в офицеры и оставался до 1853 года; участвовал затем в Крымской кампании и вышел в 1855 году в отставку.

После этого Толстой жил в Петербурге. В 1857 году он совершил длинное путешествие по Германии, Франции, Италии и Швейцарии. По возвращении на родину до 1860 года он жил преимущественно в Москве. С 1860 по 1861 год путешествовал по Германии, Франции, Италии, Англии и Бельгии. В Брюсселе он познакомился с Прудоном.

С 1861 года Толстой почти безвыездно жил в Ясной Поляне, занимаясь одновременно сельским хозяйством и литературным трудом.

Перу Толстого принадлежат очень многие сочинения. До 1878 года он писал преимущественно рассказы; из сочинений этого периода особенно выдаются романы «Война и мир» и «Анна Каренина»; позднейшие его сочинения преимущественно философского содержания.

2. Для ознакомления с учением Толстого о праве, государстве и собственности особенно важны следующие сочинения: «Исповедь» (1879), «Краткое изложение Евангелия» (1880), «В чем моя вера?» (1884), «Что же нам делать» (1885), «О жизни» (1887) и «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1893).

3. Толстой не называет свое учение о праве, государстве и собственности анархизмом. Этим именем он называет учение, ставящее целью жизнь без правительства и стремящееся достигнуть этой цели путем насилия⁶⁴³.

2. Основные принципы

По мнению Толстого, высшим законом для нас является любовь; отсюда он выводит заповедь непротивления злу насилеи.

1. Толстой говорит, что в основе его учения лежит «христианство»⁶⁴⁴; но под христианством он понимает не учение одной из христианских церквей — православной, католической или одной из протестантских⁶⁴⁵. а чистое учение Христа⁶⁴⁶.

«Как ни странно это кажется, но церкви всегда были и не могут не быть не только чужды, но прямо-таки враждебны учению Христа... Церкви как церкви не есть учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившееся от прямого пути, как это думают многие; церкви как церкви — как собрания, утверждающие свою непогрешимость, — суть учреждения противохристианские. Между церквами и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно — гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое — смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь»⁶⁴⁷. Церковь «в угоду миру перетолковала учение Христа так, что из него не вытекало никаких требований для жизни, так что люди могли и дальше жить так, как они жили. Церковь тут уступила миру, а раз уступив миру, она за ним последовала. Мир делал все, что хотел, предоставляя церкви, как она умеет, попевать за ним в своих объяснениях смысла жизни. Мир вел свою, во всем противную учению Христа, жизнь, а церковь придумывала иносказания, по которым бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним. И кончилось тем, что мир стал жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, а церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но и утверждать, что в этом-то и состоит учение Христа»⁶⁴⁸.

Особенно отличается от учения Христа церковное «вероучение»⁶⁴⁹. т.е. совокупность совершенно непонятных и потому бесполезных «догматов»⁶⁵⁰. «Бога, внешнего Творца, начала всех начал, мы не знаем»⁶⁵¹. «Бог есть дух в человеке»⁶⁵². «его совесть»⁶⁵³. «познание жизни»⁶⁵⁴; «каждый человек сознает в себе дух свободный, разумный и независимый от плоти. Этот-то дух... есть... то, что мы называем Богом»⁶⁵⁵. Христос был человеком⁶⁵⁶. «сыном неизвестного отца; не зная отца своего, он в детстве называл отцом своим Бога»⁶⁵⁷; и он был сыном Бога по духу, как и всякий человек есть сын Бога⁶⁵⁸; он был воплощением «человека, признавшего свою сыновность Богу»⁶⁵⁹. Те, которые «проповедуют, что Христос искупил своею кровью род человеческий, павший из-за Адама, что Бог — Троица, что Св. Дух сошел на апостолов и перешел чрез рукоположение на священство, что для спасения нужны семь таинств и т.д.»⁶⁶⁰ «проповедуют учения, совершенно чуждые Христу»⁶⁶¹. «Никогда Христос... ни одним словом не утверждал личное воскресенье и бессмертие личности за гробом»⁶⁶²; притом — это «очень низкое и грубое представление»⁶⁶³. Вознесение и воскресение из мертвых принадлежат «к самым соблазнительным чудесами»⁶⁶⁴.

Учение Христа признается Толстым за истину не на основании веры в откровение, а просто вследствие разумности этого учения. Вера в откровение была «сначала главной причиной непонимания учения, а потом и полного извращения его»⁶⁶⁵. Вера в Христа «не есть доверие к чему-либо, касающемуся Иисуса, но познание истины»⁶⁶⁶.

«Существует закон эволюции, и потому... надо жить для одной своей личной жизни, предоставляя остальное делать закону эволюции. Это — последнее слово утонченного образования нашего времени и вместе с тем того затемнения сознания, которым заняты

образованные классы»667. «Но жизнь человеческая есть непрерывный ряд поступков; каждый день человек должен не переставая выбирать из сотни возможных для него поступков те, которые он хочет сделать; без руководства в выборе своих поступков человек, следовательно, не может жить»668. Руководителем же для него может быть только разум. «Разум есть тот признанный людьми закон, согласно которому должна протекать его жизнь»669.

«Если нет высшего разума — а его нет, и ничто не может доказать его существование, — то мой разум есть высший судья моей жизни»670. «Все большее и большее подчинение»671 «животной личности разумному сознанию»672 есть «жизнь истинная»673, оно есть «жизнь» в противоположность простому «существованию»674.

«Прежде говорили: не рассуждай, а верь тому, что мы тебе предписываем. Разум обманет тебя. Только вера откроет тебе истинное счастье жизни. И человек старался верить и верил; но сношения с людьми показали ему, что другие люди зачастую верят в совершенно другое и утверждают, что это другое дает большее счастье человеку. Стало неизбежно решить вопрос о том, какая из многих вер — истинная вера; решить же это может только разум»675. «Если буддист, познавши магометанство, останется буддистом, он останется буддистом уже не по вере, а по разуму. Как скоро перед ним появилась другая вера и встал вопрос о том, отказаться ли от своей веры или от предлагаемой, — дать ответ на это может только разум. И если он, ознакомившись с исламом, остался буддистом, то на место прежней слепой веры в Будду встало разумное убеждение»676. «Человек познает истину только разумом, а не верою»677.

«Закон разума открывается людям постепенно»678. «Тысяча восемьсот лет тому назад среди языческого римского мира явилось удивительное, не похожее ни на какое из прежних учений, новое учение, приписывавшееся человеку, Христу»679. Это учение содержит «самое строгое, чистое и полное»680 выражение закона разума, «выше которого не поднимался до сих пор разум человеческий»681. Учение Христа есть сам разум682; оно должно быть принято людьми, «потому что только оно одно устанавливает те правила жизни, без которых никогда не жил и не может жить ни один человек, если только он хочет жить как человек, т.е. разумной жизнью»683. Человек, «основываясь на разум, не имеет права от него отречься»684.

2. В качестве высшего закона учение Христа выдвигает любовь.

Что такое любовь? «То, что люди, не понимающие жизни, называют любовью, есть только предпочтение одних условий из личного блага перед какими-либо другими, Когда человек, не понимающий жизни, говорит, что он любит свою жену, или своего ребенка, или своего друга, он говорит этим только то, что присутствие в его жизни его жены, ребенка или друга увеличивает в его жизни его личное благо»685.

«Истинная любовь всегда имеет в основе своей отречение отличного блага»686 в пользу блага ближнего. Истинная любовь «есть состояние благожелательства ко всем людям, того благожелательства, которое присуще обыкновенно детям, но которое во взрослом человеке возникает только при самоотречении»687. «Кто из живых людей не знает того блаженного

чувства умиления, хоть раз испытанного им и скорее всего в самом раннем детстве, того блаженного чувства умиления, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется только одного, чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы все были счастливы, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всем было хорошо и радостно. Это, и только это, есть та любовь, в которой заключается жизнь человеческая»688.

Истинная любовь есть «идеал полного, бесконечного, божественного совершенства»689. «Божественное совершенство есть асимптота жизни человеческой, к которой она всегда стремится, к которой она все более и более приближается и которая тем не менее может быть достигнута только в бесконечности»690. «Истинная жизнь, согласно прежним учениям, состоит в исполнении приказаний закона; по учению же Христа, она состоит в наибольшем приближении к указанному и сознаваемому каждым человеком в себе божественному совершенству»691.

Любовь, по учению Христа, есть наш высший закон. «Заповедь любви есть выражение самой сущности учения»692. Существуют «три и только три жизнепонимания: во-первых — личное или животное, во-вторых — общественное или языческое»693 и «в-третьих — христианское или божественное»694. Человек животного жизнепонимания, «дикарь, признает жизнь только в себе... двигателем его жизни является личное наслаждение... Человек языческий, общественный человек признает жизнь уже не только в самом себе, но в совокупности личностей, — в племени, семье, роде, государстве. Двигателем его жизни является слава... Человек божественного жизнепонимания признает жизнь уже не в своей личности и не в совокупности личностей, а — в первоисточнике вечной, не умирающей жизни — в Боге... Двигатель его жизни есть любовь»695.

То, что любовь, согласно учению Христа, есть наш высший закон, означает не что иное, как то, что таково требование разума. Уже в 1862 году Толстой высказывает мысль, «что любовь и добро суть истины, и единственной истины на земле»696; а гораздо позже, в 1887 году, он называет любовь «единственной разумной деятельностью человека»697. тем, что «разрешает все противоречия жизни человеческой»698. Любовь прекращает бессмысленную деятельность, направленную на наполнение бездонной бочки животной личности699. она устраняет неразумную борьбу существ, стремящихся к личному счастью700. она дает жизни, которая без нее протекала бы бессмысленно в ожидании смерти, смысл, независимый от времени и пространства701.

3. Из закона любви учение Христа выводит заповедь непротивления злу насилием. «Не противься злу, что значит не противься никогда злему человеку, т.е. никогда не делай насилия над другим, т.е. не делай такого поступка, который всегда противодействует любви»702.

Христос явственно выводит эту заповедь из закона любви. Он дал много заповедей и особенно пять заповедей в Нагорной проповеди; «заповеди эти не составляют учения.. . но составляют только одну из бесчисленных ступеней в приближении к совершенству»703; они «все отрицательного характера и показывают только то»704. чего мы можем «при

настоящем развитии человечества»⁷⁰⁵ уже не делать «на пути к совершенству, которого мы стоим»⁷⁰⁶. Первая из пяти заповедей Нагорной проповеди гласит: «Будь в мире со всеми, и если мир нарушен, то все силы употреби на то, чтобы восстановить его»⁷⁰⁷. Вторая заповедь говорит: «бери муж только одну жену и жена только одного мужа и не покидайте друг друга ни под каким предлогом»⁷⁰⁸; третья заповедь: «не давай никаких обетов»⁷⁰⁹; четвертая: «неси обиды, а не делай зла за зло»⁷¹⁰; пятая заповедь: «не нарушай мира ни с кем во имя твоего народа»⁷¹¹.

Из этих заповедей четвертая самая важная; она дана в пятой главе от Мф., ст. 38—39: «Вам сказано: око за око, зуб за зуб. — А я вам говорю: Не противьтесь злу»⁷¹². Толстой рассказывает, как место это сделалось для него «ключом всего»⁷¹³. «Стоило только мне понять эти слова просто и прямо — так, как они сказаны, и тотчас же во всем учении Христа, не только в Нагорной проповеди, но во всех Евангелиях, все, что казалось запутанным, стало понятно, что было противоречивым, стало согласно, и, главное, что казалось излишне, сделалось необходимым. Все слилось в одно целое и несомненно дополняло одно другое, как куски разбитой статуи, составленные правильным образом»⁷¹⁴. Принцип непротivления «есть положение, связывающее все учение в одно целое, но только в том случае, когда он не изречение, а обязательное правило, закон»⁷¹⁵. «Он действительно представляет собою ключ, отпирающий все, но только тогда, когда ключ этот просунут во внутренность замка»⁷¹⁶.

Заповедь непротivления злу насиллием с необходимостью вытекает из закона любви, так как закон этот требует или того, чтобы был найден верный, неоспоримый критерий зла, или того, чтобы мы совершенно отказались от сопротивления злу насиллием⁷¹⁷. «Решающее определение относительно того, что должно было считаться злом и чему нужно противиться насиллием, давал то папа, то император, то король, то собрание выборных, то весь народ. Но как внутри, так и вне государства всегда существовали люди, не признававшие для себя обязательными ни постановлений, выдаваемых за божественные веления, ни постановлений людей, облеченных святостью, ни учреждений, долженствовавших представлять волю народа, люди, которые считали добром то, что существующие власти считали злом, и боролись против власти тоже насиллием... Люди, облеченные святостью, считали злом то, что люди и учреждения, облеченные светской властью, считали добром, и борьба становилась все обостреннее и обостреннее. Так дело дошло до того состояния, в каком они находится теперь, — до совершенной очевидности того, что внешнего, обязательного для всех определения понятия зла нет и не может быть»⁷¹⁸. Отсюда необходимость принять решение вопроса, данное Христом⁷¹⁹.

По мнению Толстого, заповедь о непротivлении не следует понимать так, «как будто она запрещает всякую борьбу со злом»⁷²⁰. Она запрещает лишь насиллие в борьбе со злом⁷²¹. но запрещает его безусловно. Это запрещение относится, таким образом, не только ко злу, причиняемому нам самим, но и ко злу, причиняемому нашим ближним⁷²²; когда Петр отсек слуге первосвященника ухо, он защищал «не себя, но своего любимого, божественного учителя. Но Христос прямо запретил ему это, сказав, что поднявший меч от меча да погибнет»⁷²³. Заповедь о непротivлении злу не означает также и того, что только одна часть людей обязана «без борьбы покоряться тому, что предписывается им известными авторитетами»⁷²⁴; заповедь эта распространяется «на каждого, следовательно, и на тех (и

преимущественно на тех), которые властвуют, и запрещает употреблять насилие против кого бы то ни было и в каком бы то ни было случае»⁷²⁵.

3. Право

I. Во имя любви, именно на основании заповеди непротivления злу насилием, Толстой отрицает право, конечно не безусловно, но по крайней мере для современных народов, стоящих на более высокой ступени развития. Он, правда, говорит только о законе, но имеет в виду всякое право, так как он отрицает принципиально всякие нормы, покоящиеся на человеческой воле⁷²⁶. поддерживаемые насилием⁷²⁷ и в частности судом⁷²⁸. допускающие отклонение от нравственного закона⁷²⁹. неодинаковость в разных странах⁷³⁰ и произвольные перемены во всякое время⁷³¹.

Быть может, прежде когда-нибудь существование права было лучше его несуществования. Право «должно быть поддерживаемо насилием»⁷³²; с другой стороны, оно не допускает насилия, совершаемого отдельными личностями друг над другом⁷³³; может быть, и «было время, когда насилие государства было меньше насилия личностей друг над другом⁷³⁴. Теперь же это время во всяком случае миновало для нас; нравы стали мягче, люди нашего времени, «исповедуя заповеди человеколюбия и сострадания к ближним, желают только возможности спокойной и мирной жизни»⁷³⁵.

Право нарушает заповедь о непротivлении злу насилием⁷³⁶. Это было сказано и Христом. Слова: «не судите, да не судимы будете» (Мф. VII, 1), «не осуждайте, да не будете осуждены» (Лк. VI, 37), значат: «не только не судите ваших ближних на словах, но и не судите их на деле — не судите согласно своим человеческим законам в ваших судах»⁷³⁷. Здесь Христос говорит не только о «личном отношении каждого отдельного человека к судам»⁷³⁸. но отрицает «самое правосудие»⁷³⁹. «Он говорит: вы думаете, что ваши законы исправляют зло, — они только увеличивают его. Есть только один путь пресечения зла — делайте добро за зло всем без всякого различия»⁷⁴⁰. И то же самое, что говорит Христос, говорят мне «мое сердце и мой разум»⁷⁴¹.

Но это еще не все, что может быть сказано в доказательство несостоятельности права. «Насилие отрицает и осуждает в неподвижной форме закона только то, что большей частью уже задолго до этого отрицалось и осуждалось общественным мнением, но с той разницей, что общественное мнение отрицает и осуждает все поступки, противные нравственному закону, закон же, поддерживаемый насилием, осуждает и преследует только известный, очень узкий круг поступков, этим самым как бы оправдывая все поступки того же порядка, не вошедшие в этот узкий круг. Общественное мнение уже со времен Моисея считает корыстолюбие, распутство и жестокость злом и осуждает их; оно отрицает и осуждает всякого рода проявления корыстолюбия, — не только приобретение чужой собственности насилием, обманом или хитростью, но и всякое пользование ею; осуждает всякого рода распутство, будь то блуд с наложницей, невольницей, разведенной женой или даже своей собственной; осуждает всякую жестокость, выражающуюся в побоях, в дурном содержании, в убийстве не только людей, но и животных. Закон же преследует только известные виды корыстолюбия, как то: воровство, мошенничество и известные виды распутства и

жестокости, как то: нарушение супружеской верности, убийство, увечья, вследствие этого как бы разрешая все те проявления корыстолюбия, распутства и жестокости, которые не подходят под его узкое, подверженное лжетолкованиям определение этого понятия»742.

«Еврею было нетрудно подчиняться своим законам, когда он не сомневался в том, что их писал Бог; или римлянину, так как он думал, что их писала нимфа Егерия; и даже — человеку вообще, пока он полагал, что цари, дающие законы, — помазанники Божий, или верил тому, что законодательные собрания имеют и желание и возможность издать наилучшие законы»743. Но «уже во времена появления христианства люди начали понимать, что законы человеческие писаны людьми, что люди не могут быть непогрешимы, каким бы внешним величием они ни были облечены, и что ошибающиеся люди не сделаются непогрешимыми оттого, что они соберутся вместе и назовут себя сенатом или каким-либо другим именем»744. «Ведь мы знаем, как создаются законы, мы все были за кулисами, все знаем, что законы суть произведения корысти, обмана, борьбы партий, — что в них нет и не может быть истинной справедливости»745. Поэтому «признание каких бы то ни было особенных законов есть признак самого дикого невежества»746.

II. Любовь повелевает, чтобы вместо права она сама стала для людей законом. Из этого следует, что мы должны руководствоваться не правом, а, наоборот, заповедями Христа747. Это-то и есть «царство Божие на земле»748.

«Что же касается дня и часа, когда наступит Царство Божие, то наступление этого часа зависит только от самых людей»749. «Стоит только каждому начать делать то, что мы должны делать, и перестать делать то, чего мы не должны делать, чтобы сейчас же обещанное Царство Божие наступило в ближайшем будущем»750. «Пусть только каждый человек сейчас же, по мере сил своих исповедует ту правду, которую он знает, или хотя бы по крайней мере пусть не защищает ту неправду, в которой он живет, выдавая ее за правду, и тотчас же еще в нынешнем, 1893-м году произойдут такие перемены в пользу освобождения людей и установления правды на земле, о которых мы не смеем мечтать и через столетия»751. «Еще одно небольшое усилие, и Галилеянин победил»752.

Царство Божие «не во внешнем мире, а в душе людей»753. «Царствие Божие не проявится приметным образом, вам не скажут: вот оно здесь или вон оно там. Ибо знайте: Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. XVII, 20)754. Царство Божие есть не что иное, как исполнение заповедей Христа, в особенности же пяти заповедей Нагорной проповеди755. говорящих нам, каково должно быть наше поведение на настоящей ступени нашего развития для того, чтобы как можно более соответствовать идеалу любви756. и повелевающих нам жить в мире со всеми и, если мир нарушен всеми силами содействовать восстановлению его, соблюдать верность друг другу в брачной жизни, не давать никаких обетов, прощать обиды, не платить злом за зло и, наконец, не нарушать мира ни с кем ради нашего народа757.

Как же сложится внешняя жизнь, когда осуществится Царство Божие? «Ученик Христа будет беден; это значит, что он будет не в городе, а в деревне, не будет сидеть дома, а будет работать в лесу и в поле, будет видеть свет солнца, землю, небо, животных; он не будет ломать головы над тем, что ему съесть, чтобы возбудить аппетит, и что сделать, чтобы помочь своему пищеварению, а будет голоден три раза в день; он не будет

ворочаться на мягких подушках и придумывать, чем спастись от бессонницы, а будет спать. Болеть, страдать, умирать он будет так же, как и все — бедные болеют и умирают, по-видимому, лучше, чем богатые»⁷⁵⁸; он будет жить «в свободном общении со всеми людьми»⁷⁵⁹. «Царство Божие на земле есть мир между всеми людьми. Так представлялось Царство Божие пророкам, так оно представляется всякому сердцу человеческому»⁷⁶⁰.

4. Государство

I. Вместе с правом Толстой должен для современных народов, достигших более высокой ступени развития, неизбежно отрицать также и государство в качестве правового учреждения.

«Если и было когда-нибудь такое время, когда при низком уровне нравственности и при всеобщей склонности людей к насилию друг над другом существование власти, ограничивающей эти насилия, было выгодно, т.е. когда насилие государственное было меньше насилия отдельных лиц, то нельзя не видеть того, что такое преимущество государственности над отсутствием ее не могло длиться постоянно. Чем более уменьшалось стремление к насилию отдельных личностей, чем более смягчались нравы и чем более развращалась власть вследствие своей безграничности, тем преимущество это становилось все менее и менее ценным. В этом-то изменении, т.е., с одной стороны, в нравственном развитии масс, с другой же — в развращении правительств и заключается вся история последних двух тысячелетий»⁷⁶¹. «Я не могу доказать ни необходимости, ни вреда государства вообще»⁷⁶²; «знаю только то, что, с одной стороны, мне не нужно более государства, и что с другой — я не могу более совершать те дела, которые необходимы для существования государства»⁷⁶³.

«Христианство, взятое в его истинном значении, отрицает государство»⁷⁶⁴. оно отрицает всякое правительство⁷⁶⁵. Государство находится в противоречии с любовью, а именно с заповедью непротивления злу насилием⁷⁶⁶. Мало того, устанавливая свое господство⁷⁶⁷. государство грешит также против того, что для любви «все люди — дети Бога, и между ними существует полное равенство»⁷⁶⁸. Поэтому, помимо того, что, как правовое учреждение, оно основывается на насилии, существуют и другие основания для его отрицания. «Говорят, что учение христианское касается только личного спасения и не касается вопросов и дел общегосударственных. Но это только смелое и голословное утверждение»⁷⁶⁹. «Для каждого искреннего и серьезного человека нашего времени не может не быть очевидным, что истинное христианство — учение о смирении, прощении обид, любви — несоединимо с государством и его величием, насилиями, казнями и войнами»⁷⁷⁰. «Государство это — «идол»⁷⁷¹; оно должно быть уничтожено во всех своих формах, будь то «абсолютная монархия, конвент, консулат, империя первого или третьего Наполеона или Буланже, конституционная монархия, коммуна или республика»⁷⁷². Эту мысль Толстой развивает детально.

1. Государство есть господство дурных людей, доведенное до крайности.

Государство есть господство. В государстве правительство есть «собрание людей, которые насилуют других»⁷⁷³. «В наше время все правительства, как деспотические, так и либеральные — стали тем, что так метко Герцен называл Чингисханом с телеграфами»⁷⁷⁴. Люди, обладающие властью, «совершают насилия уже не во имя противодействия злу, а во имя своей выгоды или прихоти; другие же люди подчиняются насилию не потому, что оно, по их мнению, служит им на благо, т.е. содействует избавлению их от зла, а только потому, что они не в силах избавиться от насилия»⁷⁷⁵. «Не потому присоединена Ницца к Франции, Лотарингия к Германии, Чехия к Австрии; не потому раздроблена Польша; не потому Ирландия и Индия подчиняются английскому правлению; не потому воюют с Китаем и убивают африканцев, не потому американцы изгоняют китайцев, а русские теснят евреев, что это — хорошо, нужно или полезно людям и что противное этому есть зло, а наоборот, только потому, что тем, которые имеют власть, так нравится»⁷⁷⁶.

«Государство есть господство дурных людей»⁷⁷⁷. «Устранение государственного насилия сделает только то, что злые будут властвовать над менее злыми, говорят защитники государственного господства»⁷⁷⁸. Но при переходах власти в одном государстве от одних лиц к другим разве действительно власть всегда переходила к лучшим? «Когда свергнут был Людовик XVI и власть получил Робеспьер, а потом Наполеон, кто властвовал тогда? более добрые или более злые? И когда властвовали более добрые: когда власть была в руках версальцев или коммунаров? когда во главе правительства был Карл I или Кромвель? когда царем был Петр III, или когда его убили и царицей стала в одной части России Екатерина, а в другой — Пугачев? Кто же тогда был злым, кто добрым? Все люди, стоящие у власти, утверждают, что их власть нужна для того, чтобы злые не насильствовали добрых, подразумевая под этим, само собою разумеется, то, что они-то и есть те самые добрые, которые ограждают других добрых от злых»⁷⁷⁹. В действительности же те, которые захватывают и удерживают власть, никак не могут быть более добрыми⁷⁸⁰. «Для того чтобы захватить власть в свои руки и удержать ее, нужно любить власть. Властолюбие же соединяется обыкновенно не с добротой, а с противоположными качествами: с гордостью, хитростью, жестокостью. Без возвеличения себя и унижения других, без лицемерия, лжи, без тюрем, крепостей, казней, убийств не может ни возникнуть, ни существовать никакая власть»⁷⁸¹. «Даже как-то смешно говорить о властвующих христианах»⁷⁸². К тому же «обладание властью развращает людей»⁷⁸³. «Люди, обладающие властью, не могут не злоупотреблять ею; они должны неизбежно ошалеть от такой страшной власти»⁷⁸⁴. «Сколько ни придумывали люди средств для того, чтобы лишить людей, стоящих у власти, возможности подчинять общее благо своим собственным выгодам, все эти меры оказывались и оказываются до сих пор недействительными. Все знают, что люди, находящиеся у власти — будь то императоры, министры, полицмейстеры или городовые, — уже потому, что они имеют власть, более склонны к безнравственности, к подчинению общего блага своим личным интересам, чем люди, не имеющие власти; да это и не может быть иначе»⁷⁸⁵.

Государство есть господство дурных людей, доведенное до высшей степени. «Расчет или даже бессознательное стремление насилующих всегда будет состоять в том, чтобы довести насилуемых до наибольшего ослабления, так как, чем слабее будет насилуемый, тем меньше потребуются усилий для усмирения его»⁷⁸⁶. «Теперь существует только одна область человеческой деятельности, не захваченная правительственной властью, —

область семьи, хозяйства, область частной жизни и труда. Но и эта область, благодаря борьбе коммунистов и социалистов, уже понемногу начинает попадать в руки правительств, так что труд и отдых, жилище, одежда, пища, если только осуществляются желания реформаторов, будут скоро тоже определяться и назначаться правительствами»⁷⁸⁷. «Самая жестокая шайка разбойников не так страшна, как ужасна такая государственная организация. Каждый разбойничий атаман все-таки ограничен тем, что люди, составляющее его шайку, имеют хоть частичку человеческой свободы и могут воспротивиться совершению противоречащих их совести дел»⁷⁸⁸. Но для государства не существуете таких преград; «нет тех ужасающих преступлений, которые не совершили бы чиновники и войска по воле того, кто случайно (Буланже, Пугачев, Наполеон) может стать во главе их»⁷⁸⁹.

2. Господство в государстве основано на физической силе.

Всякое правительство опирается на то, что в государстве существуют вооруженные люди, готовые путем физического насилия приводить в исполнение волю правительства, на сословие людей, «воспитывающихся для того, чтобы убивать всех тех, кого велит убивать начальство»⁷⁹⁰. Эти люди составляют полицию⁷⁹¹ и в особенности войско⁷⁹². Войско есть не что иное, как собрание «дисциплинированных убийц»⁷⁹³. образование его есть «обучение убийству»⁷⁹⁴. его победы «убийства»⁷⁹⁵. «Войско всегда было и теперь образует основание власти. Власть всегда находится в руках тех, кто повелевает войском, и всегда все властители — от римских кесарей и до русских и немецких императоров — заботились более всего о войске»⁷⁹⁶.

Войско служит, во-первых, защитой господству правительства от нападений со стороны внешних врагов. Оно не позволит соседним правительствам захватить власть в свои руки⁷⁹⁷. Война есть не что иное, как борьба между многими правительствами из-за господства над их подданными. «Поэтому-то и мир народов между собой разумным путем, при помощи соглашения или третейского суда, не может быть достигнут до тех пор, пока будет существовать подчинение народов правительствам, всегда неразумное и всегда пагубное»⁷⁹⁸. Ввиду такого значения войска «каждое государство чувствует необходимость увеличивать свои войска по сравнению с войсками других государств, а такое увеличение войск заразительно, как это еще сто пятьдесят лет тому назад заметил Монтескье»⁷⁹⁹.

Но те, которые думают, что войска содержатся правительствами только для обороны от нападений извне, забывают, «что войска нужны прежде всего правительствам для обороны себя от своих угнетенных и порабощенных подданных»⁸⁰⁰. «Недавно в германском рейхстаге, отвечая на запрос о том, почему нужны деньги для увеличения жалованья унтер-офицерам, германский канцлер прямо объявил, что нужны надежные унтер-офицеры для того, чтобы бороться против социализма. Каприви сказал во всеуслышание только то, что всякий знает, хотя это и скрывается старательно от народа; он указал на причину того, почему французские короли и папы нанимали себе швейцарцев и шотландцев, почему в России старательно перетасовывают рекрутов так, чтобы полки, стоящие в центрах, комплектовались рекрутами с окраин, а полки, находящиеся на окраинах, — людьми из центра. Каприви нечаянно сказал то, что каждый очень хорошо знает, а если не знает, то чувствует, а именно то, что существующий строй таков не потому, что он должен быть таким, или что народ хочет, чтобы он был таков, но потому, что его поддерживает насилие

правительств, войска со своими подкупленными унтер-офицерами, офицерами и генералами»801.

3. Господство в государстве поддерживается физическим насилием над теми, на кого это господство распространяется.

Одной из особенностей правительств является то, что они требуют от граждан того самого насилия, которое лежит в их основании, и что поэтому в государстве «все граждане суть угнетатели самих же себя»802. Правительство требует от граждан как самого насилия, так и «поддержки его. Сюда относятся: обязательная для всех в России присяга при перемене царствования, так как при этой присяге дают обещание повиноваться властям, т.е. людям, совершающим насилие; затем обязательная уплата податей, так как подати употребляются на насилие; паспортная система, так как, получая паспорт, человек признает свою зависимость от насильственного государственного учреждения; далее, обязанность быть свидетелем на суде и участвовать в суде в качестве присяжного, так как всякий суд есть исполнение заповеди мести; обязательное в России для всех крестьян несение полицейских обязанностей, так как при исполнении этих обязанностей приходится употреблять насилие против своих братьев и причинять им страдания; главным же образом сюда относится всеобщая воинская повинность, т.е. обязанность быть палачом и готовить себя к этому делу»803. Во всеобщей воинской повинности нехристианская физиономия государства всего резче бросается в глаза; «всякий человек должен взять орудие убийства: ружье, нож, и если не убить, то зарядить ружье и отточить нож, т.е. быть готовым на убийство»804.

Но отчего же граждане исполняют эти требования правительства, несмотря на то что последнее и держится только этим исполнением, так что в конце концов граждане сами занимаются взаимным угнетением друг друга? Это возможно только «благодаря существованию созданной с помощью усовершенствования науки чрезвычайно искусной организации, при которой все люди попадают в один и тот же круг насилия, из которого для них нет никакой возможности вырваться. Круг этот в настоящее время состоит из четырех средств воздействия на людей. Средства же эти все связаны между собой и поддерживаются одно другим, как звенья цепи»805. Первое средство всего лучше может быть «охарактеризовано, как гипнотизация народа»806. Эта гипнотизация заставляет людей «следовать тому ошибочному мнению, что существующий порядок неизменяем и потому нужно поддерживать его, тогда как очевидно, что, напротив, он только потому неизменен, что они-то и поддерживают его»807. «Гипнотизация эта производится путем поощрения двух родов суеверия, которые называются религией и патриотизмом»808. «и, начиная свое воздействие в детском возрасте, продолжает действовать на людей до их смерти»809. Имея в виду эту гипнотизацию, можно сказать, что государственная власть покоится на обмане, вводящем в заблуждение общественное мнение»810. Второе средство — это «подкуп, который состоит в том, чтобы, отобрав от трудового рабочего народа посредством денежных податей его богатства, эти богатства распределить между чиновниками, обязанными за это вознаграждение поддерживать и увеличивать порабощение народа»811. Чиновники «желают неизменности существующего порядка прежде всего потому, что он выгоден им»812. Принимая в соображение этот подкуп, можно сказать, что государственная власть покоится на эгоизме тех, кому она доставляет выгодное положение»813. Третье средство есть «устрашение». Средство это состоит в том,

чтобы выдавать существующий государственный строй — каким бы он ни был, свободным, республиканским или самым деспотическим — за нечто священное и неизменное и потому налагать самые жестокие наказания за все попытки его изменения»814. Наконец, четвертое средство состоит в том, «чтобы выделить из всех людей, угнетенных и скованных посредством трех предшествующих средств, еще некоторую часть людей для того, чтобы, подвергнув этих людей особым, усиленным способам одурения, сделать из них безвольные орудия тех жестокостей и зверств, которые по вкусу правительству»815. Это и находит свое осуществление в войске, к которому в настоящее время, благодаря всеобщей воинской повинности, принадлежат все молодые люди816. «Этим средством замыкается круг насилия. Устрашение, подкуп, гипнотизация приводят людей к тому, что они идут в солдаты; солдаты же со своей стороны содействуют возможности наказывать людей, обирать их, подкупая на эти деньги чиновников, гипнотизировать и вербовать их в те самые солдаты, которые поддерживают власть над всем этим»817.

II. Любовь требует того, чтобы государство было заменено общественным устройством, основанном всецело на заповедях любви. «Каждый хоть сколько-нибудь размышляющий человек нашего времени признает невозможным продолжение жизни на прежних основаниях и необходимым установление новых форм жизни»818. «Для христианского человечества данного времени необходимо отречься от осуждаемых им языческих форм жизни и на призываемых им христианских основах построить свою новую жизнь»819.

1. И после уничтожения государства люди должны будут жить обществами. Но что же будет соединять их тогда в одно общественное целое?

Во всяком случае, не какие-либо обеты. Христос заповедал нам не давать «никаких обетов»820. «ничего не обещать людям»821. «Христианин не может обещать; сделать что-либо к определенному времени или в известное время воздержаться от чего-либо, так как он не может знать, чего потребует от него в это время тот закон любви, подчинение которому составляет смысл его жизни»822. Еще менее того может он «обещаться исполнять чью-либо чужую волю, не зная, в чем будет состоять содержание этой воли»823; уже таким обещанием он «заявил бы то, что внутренний закон Божий не представляет для него единственного закона его жизни»824; «нельзя служить двум господам»825.

В будущем людей должно будет соединять в одно общественное целое то духовное влияние, которое оказывают личности, опередившие других в познании истины, на менее развитых членов общества. «Духовное влияние есть такое воздействие на человека, вследствие которого изменяются самые желания человека и совпадают с тем, что от него требуется. Человек, подчиняющийся духовному влиянию, поступает соответственно своим желаниям»826. Сила, «благодаря которой люди могут жить обществами»827. заключается в духовном влиянии, оказываемом личностями, опередившими других в познании истины, на менее развитых людей, в «способности людей мыслящих мало подчиняться указаниям людей, стоящих на высшей степени познания»828. Благодаря этой способности «определенный круг людей подчиняется одним и тем же разумным началам, причем одни — меньшинство — сознательно, вследствие согласия их с требованиями своего разума; другие же — большинство — бессознательно, только потому, что эти начала стали общественным мнением»829. «В этом подчинении нет ничего неестественного и противоречивого»830.

2. Но каким образом должны будут исполняться в будущем обществе те задачи, которые в настоящее время исполняет государство? При этом обыкновенно имеют в виду три рода задач⁸³¹.

Во-первых, защиту от злых людей, находящихся среди нас⁸³². «Но кто же эти находящиеся среди нас злые люди? Если три-четыре века тому назад, когда люди гордились своим военным искусством, вооружением, когда убивать людей считалось доблестью, — и были такие люди, то ведь теперь таких людей нет; никто не носит более оружия, и все исповедуют заповедь человеколюбия. «Если же под людьми, от нападения которых должно защищать нас государство, разуметь тех людей, которые совершают преступления, то мы знаем, что они не особенные существа, вроде волка среди овец, а такие же люди, как и все мы, и точно так же не любят совершать преступления, как не любим этого и мы. Мы знаем, что деятельность правительств со своими, не соответствующими современному уровню нравственности жестокими приемами наказаний, тюрьмами, каторгой, виселицами, гильотиной — скорее содействует одичанию народов, чем смягчению их, и потому скорее увеличивает, чем уменьшает число таких насильников»⁸³³. Если бы мы были христианами и потому полагали, что «наша жизнь должна быть отдана на служение другим, то не нашлось бы такого безумного человека, который лишил бы пропитания или убил бы тех людей, которые служат ему. Миклухо-Маклай поселился среди самых грубых, как говорят, «диких» людей, и его не только не убили, но полюбили, покорились ему только потому, что он не боялся их, ничего не требовал от них и делал им добро»⁸³⁴.

Во-вторых, спрашивается, кто же будет защищать нас в будущем обществе от внешних врагов⁸³⁵? Но ведь мы же знаем, «что все европейские народы исповедуют принципы свободы и братства и потому не нуждаются в защите друг от друга. Если же говорить о защите от варваров, то для этого достаточно одной тысячной доли тех войск, которые стоят теперь под ружьем. Государственная власть не только не спасает от опасности нападения соседей, а напротив, она-то и вызывает их»⁸³⁶. Но «если бы существовало общество христиан, не делающих никому зла и отдающих весь излишек своего труда другим людям, то никакие неприятели — ни немцы, ни турки, ни дикари — не стали бы убивать или мучить таких людей. У них можно бы было просто брать все, что они отдавали бы с полной охотой, не делая различия между русским, немцем, турком и дикарем»⁸³⁷.

В-третьих, спрашивается, каким образом будет возможно в будущем обществе существование путей сообщения, воспитательных, образовательных, религиозных и других общественных учреждений⁸³⁸. «Если и было такое время, когда люди были так разобщены друг от друга, когда средства общения и передачи мыслей были так мало выработаны, что они не могли прийти в согласие ни о каком общем, ни торговом, ни экономическом, ни воспитательном деле без государственного центра, то теперь это время уже прошло; средства общения и передачи мыслей получили широкое развитие; для образования обществ, собраний, корпораций, для созыва конгрессов, основания экономических и политических учреждений нет надобности в правительстве; правительства в большей части случаев скорее мешают, чем содействуют достижению этих целей»⁸³⁹.

3. Какие же формы примет в будущем общественная жизнь в своих частных проявлениях? «Будущее будет таким, каким его сделают обстоятельства и

люди»840. В настоящее время мы не в состоянии отдать себе вполне ясный отчет об этом841.

«Люди говорят: «Каковы же именно и в чем будут состоять те новые порядки, которые заменят современные? До тех же пор, пока мы не будем знать, как именно сложится наша жизнь, мы не хотим идти вперед и не тронемся с места»842. «Если бы Колумб рассуждал так, он никогда не снялся бы с якоря. Сумасшествием было ехать по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ездил, плыть в страну, существование которой — вопрос. Но это сумасшествие открыло новый мир. Конечно, если бы народы только переезжали из одного готового hotel garni [фр. меблированные комнаты] в другой, еще лучший, — все было бы гораздо проще, да беда вся в том, что некому заготовлять новых квартир»843.

Но когда люди стараются представить себе условия жизни в будущем обществе, их не столько беспокоит «вопрос о том, что будет, сколько вопрос о том, как жить без тех привычных нам условий жизни, которые мы называем наукой, искусством, цивилизацией, культурой?»844. «Но ведь все это суть только различные формы проявления истины; предстоящее изменение будет только приближением к истине и ее осуществлению. Как же могут формы проявления истины быть сведены на нет приближением к ней? Они будут иными, лучшими и высшими, но ни в коем случае не уничтожатся. Уничтожится в них только то, что было ложно в прежних формах; то же, что было истинно, то лишь процветет более и усилится»845.

«Если бы жизнь отдельного человека при переходе от одного возраста к другому была бы вполне известна ему, ему незачем было бы жить. То же и по отношению к жизни человечества; если бы у него была программа той жизни, которая ожидает его при вступлении в новый возраст, то это было бы самым верным признаком того, что оно не живет, не развивается, а топчется на одном месте. Отдельные свойства нового строя жизни не могут быть известны нам, потому что они должны быть выработаны нами же. Только в том и заключается жизнь, чтобы познавать неизвестное и сообразовать с этим новым познанием свою деятельность. В этом состоят жизнь каждого отдельного человека, а также и жизнь человеческих обществ и человечества»846.

5. Собственность

I. Вместе с правом Толстой неизбежно должен отрицать также и необходимость учреждения собственности для современных народов, стоящих на более высокой ступени развития.

Может быть, когда-нибудь и было время, когда насилие, необходимое для того, чтобы обеспечить отдельной личности исключительное обладание известными благами, было меньше того насилия, которое было бы употреблено при общей борьбе из-за обладания этими благами, так что тогда существование права собственности было лучше его отсутствия. Но этот период во всяком случае уже прошел, соответствующий же ему общественный строй «отжил свой век»847; если бы даже и не существовало никакого права собственности, то между людьми нашего времени не возгоралось бы дикой борьбы из-за обладания благами; теперь все «исповедуют заповедь человеколюбия»848. каждый из нас

«знает, что все люди имеют одинаковые права на блага мира»⁸⁴⁹; «есть уже и такие богатые люди, которые вследствие особенной чуткости к зарождающемуся общественному мнению отказываются от унаследованного состояния»⁸⁵⁰.

Собственность противоречит любви, и именно, заповеди непротивления злу насилием⁸⁵¹; но, мало того, учреждая господство имущих над неимущими, собственность погрешает также и против того, что для любви «все люди дети Бога и равны друг другу»⁸⁵². Поэтому собственность, помимо того, что, как правовое учреждение, она покоится на насилии, должна быть отвергнута и по другим соображениям. Богачи виноваты «уже тем, что они богаты»⁸⁵³. Существование десятков тысяч «голодных, зябнущих и глубоко униженных людей в Москве, тогда как я с другими тысячами обедаюсь филеями и осетриной и покрываю лошадей и полы сукнами и коврами»⁸⁵⁴. «есть преступление»⁸⁵⁵. Я «не перестану чувствовать себя участником этого постоянного преступления до тех пор, пока у меня будет лишний кусок хлеба, а у другого совсем нечего будет поесть, пока у меня будет две одежды, а у кого-нибудь не будет ни одной»⁸⁵⁶.

Толстой подробно развивает эту мысль.

1. Собственность означает господство имущих над неимущими.

Собственность есть право на исключительное владение какими бы то ни было вещами, причем безразлично, пользуются ли ими в действительности или нет⁸⁵⁷.

«Многие люди, которые называют меня своей лошадейю, — Толстой предоставляет здесь слово лошади Холстомеру, — не ездят на мне, а ездят совсем другие. Они не кормят меня, кормят же тоже совсем другие. Хорошего тоже мне ничего не делают те, которые зовут меня своей лошадейю, а добро приносят мне кучера, ветеринары и вообще чужие люди. Позднее, когда круг моих наблюдений расширился, я убедилась, что понятие «мое» имеет своим основанием только низкое и животное стремление людей, которое они называют чувством или правом собственности и не ограничивается в своем применении только нами — лошадейми. Человек говорит — «дом принадлежит мне» и никогда не живет в нем, он заботится только о постройке и сохранении дома. Купец говорит «моя лавка, моя суконная лавка», а его одежда не из лучшей материи, которую он имеет в своем магазине. Есть люди, которые называют кусочек земли «своим», хотя, быть может, и не видали и не ходили по этой земле. Люди не стремятся в жизни делать то, что они считают хорошим, а стремятся возможно больше вещей называть «своими»⁸⁵⁸.

Значение собственности в том, что бедный, не имеющий ее, находится в зависимости от богатого, который обладает собственностью; для того, чтобы добыть себе вещи, необходимые ему для жизни, но принадлежащие другому, бедный должен делать то, что пожелает этот другой, а именно, он должен работать на него. Таким образом, собственность разделяет людей «на две касты: одну трудящуюся, угнетенную, которая терпит нужду и страдает, а другую праздную и угнетающую, которая веселится и живет в роскоши»⁸⁵⁹. «Мы все братья, а между тем каждое утро мой брат или моя сестра выносит мой горшок. Мы все братья, а мне утром необходима сигара, сахар, зеркало и т.п. предметы, создавая которые мои здоровые и равные мне братья и сестры теряли и теряют свое здоровье»⁸⁶⁰. «Я

всю свою жизнь провожу так: ем, говорю и слушаю; ем, пишу и читаю, т.е. опять-таки говорю и слушаю; ем и играю; ем, говорю и слушаю снова; ем и ложусь спать; и так каждый день; другого ничего я не делаю и не умею делать. И для того, чтобы я мог это делать, нужно, чтобы с утра до вечера работали дворник, мужик, кухарка, повар, лакей, кучер, прачка; не говорю уже о работе других людей, которая нужна для того, чтобы эти кучера, повара, лакеи и т.д. имели все то, в чем они нуждаются при своей работе: топоры, бочки, щетки, посуду, мебель, далее воск, ваксу, керосин, сено, дрова, говядину. Все эти люди должны с утра до вечера нести тяжелый труд каждый день, и каждый день для того, чтобы я мог говорить, есть и спать»⁸⁶¹.

Это значение собственности особенно ясно обнаруживается на тех предметах, которые необходимы для того, чтобы производить другие предметы, т.е. на земле и орудиях труда⁸⁶². «Не может быть земледельца без земли, на которой он работает, без косы, телеги и лошади; не может быть и сапожника без дома, построенного на земле, без воды, воздуха и инструментов, которыми он работает»⁸⁶³; собственность же означает часто то, что «у мужика нет земли, лошади и косы, у сапожника дома, воды и шила, что кто-нибудь лишил их этих вещей»⁸⁶⁴. Следствием этого является то, «что для большей части рабочих естественные для производства условия оказываются нарушенными, что большая их часть принуждена работать чужими орудиями труда»⁸⁶⁵. причем собственник орудий труда может заставить их «работать не на себя, а на хозяина»⁸⁶⁶. Поэтому рабочий трудится «не для себя и не по своей охоте, а из нужды, для прихоти роскошествующих и праздных людей, для наживы какого-либо богача, владельца фабрики или завода»⁸⁶⁷. Таким образом, собственность означает эксплуатацию рабочего теми, кому принадлежат земля и орудия производства; она означает, «что произведения человеческого труда все более и более переходят от массы трудового народа в руки нетрудящихся людей»⁸⁶⁸.

Значение собственности как средства, которое ставит бедных в зависимость от богатых, особенно ясно выступает в сфере денег. «Деньги есть ценность, всегда равная самой себе и считающаяся правильной и законной»⁸⁶⁹. Следовательно, как обыкновенно говорят, «кто имеет деньги, тот может вить веревки из тех, у кого их нет»⁸⁷⁰. «Деньги создают новую форму рабства, отличающуюся от старой формы рабства только своей безличностью, отсутствием всяких человеческих отношений между господином и рабом»⁸⁷¹; ибо «сущностью всякого рабства является принудительное пользование чужим трудом, причем безразлично, основывается ли оно на моем собственническом праве на раба или на моем обладании деньгами, необходимыми другому»⁸⁷². «Но какого это рода у меня деньги и откуда они появились у меня? Часть их я получил с земли, унаследованной мною от отца. Мужик продал свою последнюю овцу, свою последнюю корову, чтобы отдать их мне. Другая часть моего имущества — это деньги, которые я получил за мои сочинения, за книги. Если книги мои вредны, то я только соблазняю тех, кто их покупает, сделать что-нибудь нехорошее, и деньги, которые я за них получаю, дурно добытые деньги; если же книги мои полезны людям, то дело обстоит еще хуже. Я не даю их прямо людям, которые могли бы ими воспользоваться, а говорю: «Дайте мне семнадцать рублей, и вы их получите». И как там мужик продает последнюю овцу, так здесь бедный студент, или учитель, или еще какойнибудь бедный человек лишает себя нужного для того, чтобы дать мне эти деньги. И вот я набрал много таких денег, и что же я делаю с ними? Я привожу эти деньги в город и отдаю их бедным только под тем условием, чтобы они исполняли мои прихоти, чтобы они

пришли сюда в город чистить для меня тротуары и готовить для меня на фабриках лампы, сапоги и т.д. За эти деньги я покупаю у них все, и я стараюсь как можно меньше дать им, чтобы можно больше получить от них. И вдруг я совершенно неожиданно начинаю так, просто задаром, давать эти деньги этим же бедным — не всем, но тем, кому мне вздумается»⁸⁷³. что значит одной рукой отнимать у бедных тысячи рублей, а другой некоторым из них раздавать копейки⁸⁷⁴.

2. Осуществляющееся в собственности господство имущих над неимущими основывается на физическом насилии.

«Если огромные богатства, накопленные рабочими, считают принадлежащими не всем, а лишь немногим избранным лицам, если право собирать подати с труда и употреблять эти деньги на что угодно предоставлено некоторым людям, то все это происходит не потому, что народ этого хочет и что так естественно должно быть, а потому, что в этом видят свою выгоду господствующее классы и посредством физического насилия над телом человека осуществляют все это»⁸⁷⁵; все это основывается на «насилии, на убийстве и на угрозах ими»⁸⁷⁶. «Если люди, считая это несправедливым (как это думают теперь все рабочие), все же отдают главную долю своего труда капиталисту, землевладельцу»⁸⁷⁷, то делают они это «только потому, что знают, что их будут бить и убивать, если они не будут делать этого»⁸⁷⁸. «Смело можно сказать, что в нашем обществе, где на каждого имущего, побарски живущего человека приходится десять измученных, завистливых, жадных и со своими женами и детьми глубоко страдающих рабочих, все преимущества богатых, вся роскошь их, все то, чем в излишестве пользуются богатые, все это приобретено и поддерживаемо только наказаниями, заключениями и казнью»⁸⁷⁹.

Существование собственности обеспечивается полицией⁸⁸⁰ и войсками⁸⁸¹. «Нельзя нам притворяться, что мы не видим того городского, который с заряженным револьвером ходит перед окнами, защищая нас, в то время как мы едим свой вкусный обед или смотрим новую пьесу, и не думаем про тех солдат, которые каждую минуту готовы въехать с ружьями и боевыми патронами туда, где будет нарушена наша собственность. Ведь мы знаем очень хорошо, что, если мы можем спокойно есть свой обед, и смотреть новую пьесу, и гулять безопасно, быть на елке, на катанье, скачке или охоте, то только благодаря пуле городского и оружию солдата, которые готовы пробить голодное брюхо того бедняка, который из-за угла, облизываясь, глядит на наши удовольствия и тотчас же уничтожит их, как только уйдет городской с револьвером или не будет солдата в казармах, готового явиться по нашему первому зову»⁸⁸².

3. Осуществляемое в собственности господство имущих над неимущими покоится на физическом насилии, которое совершается самими же угнетаемыми.

Те самые люди из неимущего класса, которые благодаря существованию собственности находятся в зависимости от имущих классов, должны нести полицейские обязанности, служить в войске, платить подати, на которые содержится полиция и войско, и так или иначе или самим участвовать в совершении того насилия, которым держится собственность, или же поддерживать это насилие⁸⁸³. «Ведь если бы не было этих людей, готовых по приказанию истязать и убивать первого встречного, никто никогда не решился бы

утверждать то, что с уверенностью утверждают все праздные землевладельцы, а именно, что земля, окружающая мрущих от голода крестьян, есть собственность человека, не работающего на ней»⁸⁸⁴; «не могло бы никогда прийти в голову помещику отнять у мужика лес, им выращенный»⁸⁸⁵. и никто не стал бы утверждать «что мошеннически собранные хлебные запасы должны храниться в целости среди изголодавшегося населения, потому что купцу нужны барыши»⁸⁸⁶.

II. Любовь требует того, чтобы собственность была заменена единственно такой формой распределения богатств, которая всецело основана на ее требованиях. «Невозможность вести прежнюю жизнь и необходимость установить новые формы жизни»⁸⁸⁷ тоже связаны с распределением богатств. «Уничтожение собственности»⁸⁸⁸ и замена ее новой формой распределения — вот один из вопросов, стоящих теперь на очереди»⁸⁸⁹.

По закону любви каждый человек, трудящийся соответственно своим силам, должен иметь все то, в чем он нуждается, но не более этого.

1. То, что всякий человек, трудящийся по мере своих сил, должен пользоваться всем необходимым ему, но только необходимым, следует из двух предписаний, вытекающих из закона любви.

Первое из этих предписаний повелевает человеку «не требовать труда от других, а самому всю жизнь свою посвятить труду для других. «Человек не затем живет, чтобы на него работали, а чтобы самому работать»⁸⁹⁰. Поэтому он не должен считаться с другими из-за своей работы и думать, «что имеет право на тем большее пропитание, чем больше и полезнее его работа»⁸⁹¹. Исполнение этого предписания доставляет каждому человеку то, в чем он нуждается. Прежде всего это относится к здоровому взрослому человеку. «Если человек работает, то работа кормит его. И если трудом этого человека пользуется другой человек, то он должен тоже кормить его, так как пользуется его работой»⁸⁹². Человек обеспечивает «свое пропитание не тем, что он отнимает его у других, а тем, что он становится полезен и нужен другим. Чем нужнее он для других, тем обеспеченнее будет его существование»⁸⁹³. Но исполнение предписания, требующего того, чтобы человек служил другим, доставляет пропитание также и больным, старикам и детям. Люди «не перестают кормить заболевшее животное. Они даже старую лошадь не убивают, а дают ей посильную работу; они выращивают целые семейства ягнят, поросят и щенят, ожидая от них пользы. Как же не будут они в таком случае кормить необходимого для них человека, когда он заболит? Как не постараются подыскать посильной работы и старому и малому? Как не станут растить людей, которые в свою очередь будут на них же работать?»⁸⁹⁴

Второе предписание, вытекающее из закона любви и требующее, чтобы каждый человек, работающий по своим силам, имел то, что ему необходимо, хотя и не более того, гласит: «Делись тем, что у тебя есть, с другими, не собирай богатств»⁸⁹⁵. «На вопрос своих слушателей о том, что делать, Иоанн Креститель просто, коротко и ясно отвечал: кто имеет две одежды, пусть даст тому, у кого нет, кто имеет пищу, пусть делает то же (Лк. III, 10, 11). То же самое, только с большей ясностью и прямотой много раз говорил Христос. Он говорил: счастливы бедные и горе богатым. Он говорил, что нельзя сразу служить и Богу и мамоне. Он запретил своим ученикам не только брать деньги, но даже иметь две одежды. Он сказал

богатому юноше, что он не может войти в царствие Божие, потому что он богат, и что легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в царство небесное; он сказал, что тот, кто не оставит всего, — и дома, и детей, и поля — для того, чтобы идти за ним, тот не его ученик. Он рассказал своим слушателям притчу о богатом, который не делал ничего дурного, как и наши богатые, кроме того, что хорошо одевался, сладко ел и пил и погубил только этим свою душу, и о бедном Лазаре, который не сделал ничего хорошего, но получил спасение только оттого, что он был нищий»⁸⁹⁶.

2. Каковы же будут детали такого распределения богатств?

«Это можно видеть всего лучше на примере русских колонистов. Они приходят на землю, садятся на нее и начинают работать, и никому из них в голову не приходит, чтобы человек, не пользующийся землей, мог иметь какиенибудь права на нее; напротив того, колонисты считают землю прежде всего общим достоянием и признают безусловно справедливым, чтобы каждый косил и пахал там, где только хочет. Для обработки земли, для разведения садов и для постройки домов эти колонисты заводят орудия труда, и никому в голову не приходит, что эти орудия труда могут сами по себе приносить доход; напротив, колонисты думают, что всякий доход насчет орудий труда, всякий процент на счет ссужаемого хлеба и т.д. есть несправедливость. Они работают на вольной земле своими или ссуженными им без процента орудиями, каждый для себя или все вместе на общее дело»⁸⁹⁷.

«Говоря о такой общине людей, я не фантазирую нисколько, а описываю только то, что происходило всегда и происходит теперь не только у русских поселенцев, а повсюду, где еще не нарушено ничем естественное состояние людей. Я описываю то, что представляется каждому человеку естественным и разумным. Люди поселяются на земле, и каждый из них берется за свойственное ему дело, они приготавливают себе орудия труда и делают свое дело. Если же людям удобнее работать вместе, они образуют артель»⁸⁹⁸. Но ни в отдельном хозяйстве, ни в артелях «ни вода, ни земля, ни одежда, ни плуг не могут никому принадлежать, кроме тех, которые пьют воду, носят одежду и работают плугом, потому что все эти вещи нужны только тем, которые ими пользуются»⁸⁹⁹. «Своим» можно называть «только свой труд»⁹⁰⁰, который дает человеку столько, сколько ему надо⁹⁰¹.

6. Осуществление

По мнению Толстого, требуемый любовью переворот в общественном строе должен произойти таким образом, что люди, познавшие истину, убедят как можно большее число других людей в том, что перемена необходима для осуществления любви и что путем отказа в повиновении будут уничтожены право, государство и собственность и будет осуществлен новый строй.

I. Прежде всего необходимо, чтобы люди, познавшие истину, убедили как можно большее число других людей в том, что любовь требует переворота.

1. «Для того чтобы изменился противоречащий нашим знаниям порядок жизни и заменился другим, соответствующим им, нужно прежде всего, чтобы отжившее общественное мнение

заменилось новым и более живым»902.

Наиболее величественные и знаменательные перемены в жизни человечества вовсе не являются результатом каких-либо поступков; для этого не нужно «ни вооружения миллионов войск, ни постройки новых дорог и машин, ни устройство выставок, ни устройство рабочих союзов, ни революций, ни баррикад, ни взрывов, ни изобретений в воздухоплавании, а нужны только изменения в общественном мнении»903. Освобождение достигается только «при помощи изменения нашего жизнепонимания»904; «все зависит от силы, с которой каждый отдельный человек сознает христианскую истину»905; «познайте истину, и истина сделает вас свободными»906. Освобождение должно необходимо совершиться потому, «что христианин признает закон любви, открытый ему его учителем, совершенно достаточным для всех человеческих отношений и потому считает всякое насилие излишним и незаконным»907.

Произвести такой переворот в общественном мнении во власти людей, познавших истину908. «Общественное мнение не нуждается для своего возникновения и распространения в сотнях и тысячах лет, а имеет свойство заразительно действовать на людей и чрезвычайно быстро овладевать многими людьми»909. «Подобно тому, как бывает достаточно одного толчка для того, чтобы насыщенная солью жидкость мгновенно перешла в кристаллы, так, может быть, теперь достаточно самого маленького усилия для того, чтобы открытая уже людям истина охватила бы сотни, тысячи, миллионы людей, — чтобы установилось соответствующее познаниям общественное мнение и чтобы благодаря этому изменился весь строй существующей жизни. Сделать это усилие в нашей власти»910.

2. Наилучшее средство для того, чтобы произвести необходимый переворот в общественном мнении, состоит в том, что люди, познавшие истину, должны свидетельствовать о ней своими делами.

«Христианин знает истину только для того, чтобы свидетельствовать о ней перед теми, которые не знают ее»911. и притом свидетельствовать «делом»912. «Истина передается людям только делами истины. Только дела истины, внося свет в сознание каждого человека, разрушают сцепление обмана»913. Поэтому, собственно, ты должен, «если ты землевладелец — сейчас же отдать свою землю бедным, если же капиталист — сейчас же отдать свои деньги или фабрику рабочим; если ты князь, министр, чиновник, судья или генерал, ты должен тотчас же отказаться от своего положения, а если солдат, то, несмотря на всю опасность, тотчас же отказаться от повиновения»914. Конечно, «может случиться — это весьма вероятно, — что ты не в силах будешь сделать этого: у тебя связи, семья, подчиненные, начальники, — соблазны так велики, и твои силы оставляют тебя»915.

3. Но есть еще другое, хотя и не столь действительное средство произвести необходимый переворот в общественном мнении; применять это средство «ты всегда можешь»916. Оно состоит в том, что люди, познавшие истину, «откровенно высказывают» ее917.

«Если бы люди, хотя бы небольшое количество людей, стали это делать, тотчас же само собой пало бы отжившее общественное мнение и родилось бы молодое, живое и настоящее»918. «Никакие миллиарды рублей, миллионы солдат, никакие учреждения,

войны и революции не произведут того, что может произвести простое выражение свободным человеком того, что он считает справедливым или несправедливым. Если один свободный человек скажет правдиво то, что он думает и чувствует, среди тысяч людей, своими поступками и словами поддерживающих совершенно противоположное, то, казалось бы, он должен остаться одиноким, а между тем по большей части дело обстоит иначе; все или большинство уже давно думают и чувствуют втихомолку то же самое; и благодаря этому то, что было вчера новым мнением одного человека, быть может, станет завтра общим мнением большинства»⁹¹⁹. «Только бы мы перестали лгать и притворяться, что мы не видим истину; только бы мы признали ту истину, которая зовет нас, и смело исповедали ее, и мы тотчас же поняли бы, что сотни, тысячи, миллионы людей находятся в том же положении, как и мы, что, как и мы, они видят истину, подобно нам боятся остаться одинокими и подобно нам только и ждут от других ее признания»⁹²⁰.

II. Чтобы переворот совершился и на место права, государства и собственности стал новый общественный строй, нужно, далее, чтобы люди, познавшие истину, устроили свою жизнь соответственно их познанию и в особенности отказались бы повиноваться государству.

1. Люди сами должны произвести общественный переворот. Они не должны более «ожидать, что кто-то придет и поможет им; будь то Христос в облаках и с трубным гласом, или исторический закон, или закон дифференциации или интеграции сил. Нам никто не поможет, если мы сами себе не поможем»⁹²¹.

«Мне рассказывали случай, происшедший с храбрым становым, который приехал в деревню, где бунтовали крестьяне и куда были вызваны войска, и хотел усмирить бунт в духе Николая I, один, своим личным влиянием. Он велел привезти несколько возов розог и, собрав всех мужиков в ригу, с ними вместе вошел туда, заперся и так напугал сначала мужиков своим криком, что они стали по его приказанию сечь друг друга. И так они секли друг друга до тех пор, пока не нашелся один дурачок, который не дался сам и закричал товарищам, чтобы они не секли друг друга. Только тогда прекратилось сечение и становой убежал из риги. Вот этому-то совету дурачка и должны бы последовать люди нашего времени»⁹²².

2. Но люди должны произвести этот переворот не насильственным путем. «Революционеры извне борются с правительством. Христианство же вовсе не борется, но изнутри разрушает все его основания»⁹²³.

«Некоторые люди утверждают, что освобождение от насилия или хотя бы ослабление его может произойти вследствие того, что угнетенные люди силою свергнут угнетающее их правительство, а другие люди стараются поступать согласно этому учению: эти люди только обманывают себя и других. Деятельность их только усиливает деспотизм правительства. Попытки освобождения с их стороны дают только удобный предлог правительствам для усиления своей власти»⁹²⁴.

Если даже и допустить, что вследствие особенно благоприятного стечения обстоятельств, как, например, во Франции в 1870 году, удалось бы свергнуть какое-нибудь из правительств, то партия, восторжествовавшая путем насилия, «чтобы остаться у кормила правления и для введения в жизнь своих порядков, должна употребить не только все

существующие средства насилия, но и придумать новые. Порабощены будут другие люди, и их будут принуждать к другому; будет не только то же, но более жестокое насилие и порабощение; вследствие борьбы усилится ненависть человеческая друг против друга, и вместе с тем усилятся и выработаются новые средства порабощения. Так всегда и было после всех революций и всех попыток революции, всех заговоров и всяких насильственных перемен в правительствах. Всякая борьба только усиливает средства порабощения тех, которые в данное время находятся у власти»⁹²⁵.

3. Люди, чтобы произвести перемену в общественном строе, должны устроить свою жизнь так, чтобы она находилась в соответствии с познанной ими истиной. «Христианин освобождается от всякой человеческой власти благодаря тому, что считает для своей жизни и жизни других божественный закон любви, вложенный в душу каждого человека и доведенный до его сознания Христом, единственным руководителем жизни своей и других людей»⁹²⁶.

Это значит, что надо платить добром за зло⁹²⁷. отдавать ближнему все, что есть лишнего, и не брать от него ничего, в чем нет надобности⁹²⁸. в особенности же не приобретать денег и раздавать те, какие есть⁹²⁹. не покупать и не отдавать в наем⁹³⁰ и, не боясь никакой работы, самому делать все, что необходимо для удовлетворения своих потребностей⁹³¹; и, главным образом, это значит то, что следует не повиноваться требованиям государственной власти, противным христианству⁹³².

Случаи отказа в повиновении государственной власти в настоящее время представляют нередкое явление в России. Отказываются от уплаты податей, от общей присяги, от присяги в судах, от несения полицейских обязанностей, от участия в суде в качестве присяжных, от воинской повинности⁹³³. «Правительства при таких отказах со стороны христиан находятся в отчаянном положении»⁹³⁴. Они могут убить, казнить, запереть в тюрьму и сослать на каторгу всякого, кто желает насилием свергнуть их; могут засыпать золотом половину людей и подкупить их; могут подчинить миллионы вооруженных людей, готовых погубить всех врагов правительств. Но что могут они сделать против людей, которые, не желая ничего ни разрушать, ни учреждать, желают только для себя не делать ничего противного христианскому закону и потому отказываются от исполнения самых общих и потому самых необходимых для правительств обязанностей?⁹³⁵ «Как бы ни поступало правительство по отношению к этим людям, оно неизбежно будет содействовать только своему собственному уничтожению»⁹³⁶. а вместе с тем и уничтожению права и собственности и установлению нового общественного строя. «Ведь если правительство не будет преследовать таких людей, как, например, духобора, штундиста и т.д., то выгоды христианского, мирного образа жизни этих людей будут привлекать к себе не только искренно убежденных христиан, но и людей, которые под личиной христианства хотят освободиться от своих обязанностей по отношению к государству. Если же правительство будет, наоборот, жестоко относиться к таким людям, то самая эта жестокость к людям, которые виноваты только в том, что они стараются вести более нравственную жизнь, самая жестокость эта будет все более и более создавать ему врагов. И в конце концов придет момент, когда правительства не будут находить людей, готовых насилием поддерживать их»⁹³⁷.

4. Жизнь сообразно познанной истине должна быть начата отдельными личностями. Нет надобности ждать, чтобы все или многие изменили свою жизнь одновременно с ними.

Отдельный человек не должен думать, что будет бесполезно, если он один будет вести жизнь, согласно учению Христа⁹³⁸. «Люди в своем настоящем состоянии уподобляются сроившимся пчелам, висящим кучей на ветке. Положение пчел на ветке временное и неизбежно должно быть изменено. Они должны подняться и найти себе новое жилище. Каждая пчела знает это и хочет переменить свое положение и положение других, но ни одна не может этого сделать до тех пор, пока не сделают того же и остальные. Все же они не могут вдруг подняться, потому что одна висит на другой и мешает ей отделиться от роя, и потому все продолжают висеть. Казалось бы, пчелам нет из этого положения никакого выхода»⁹³⁹; и выхода действительно не было бы, если бы каждая пчела не была самостоятельным существом. Стоит только «одной пчеле раскрыть крылья, подняться и полететь, а за ней второй, третьей, десятой и сотой для того, чтобы висевшая неподвижно кучка стала свободно летящим роем пчел. Точно так же стоит только одному человеку понять жизнь так, как учит его понимать ее христианство, и начать жить согласно этому пониманию, а за ним сделать то же другому, третьему и сотому, как тот заколдованный круг, из которого, казалось, не было выхода, будет побежден»⁹⁴⁰.

Отдельные личности не должны отказываться от проведения в жизнь своих убеждений также из страха перед страданиями. «Если я один среди мира людей, не следующих учению Христа», говорят обыкновенно, «стану следовать ему, буду отдавать то, что имею, буду подставлять щеку, не защищаясь, буду не соглашаться на присягу и на военную службу, меня оберут как липку, и если я не умру с голода, меня изобьют до смерти, посадят в тюрьму или расстреляют и я напрасно погублю счастье своей жизни и пожертвую собственной жизнью»⁹⁴¹. Пусть будет так. «Я не интересуюсь тем, больше ли у меня будет неприятностей, раньше ли я умру, исполняя учение Христа; об этом может спрашивать только тот, кто не видит, как бессмысленна и несчастна жизнь для самого себя, и воображает, что он «не умрет». Я же знаю, что жизнь для личного, собственного счастья есть величайшая глупость и что за такой глупой жизнью непременно последует и глупая смерть. Поэтому я ничего не боюсь. Я умру так же, как все; так же, как те, что не исполняют учения Христа; но моя жизнь и смерть будут иметь смысл и для меня, и для других. Моя жизнь и смерть будут содействовать спасению и жизни других людей, — а этомуто и учил Христос»⁹⁴².

Раз достаточное число отдельных личностей устроит свою жизнь сообразно познанию, то вскоре за ними последует и толпа. «Переход людей от одного устройства жизни к другому совершается не всегда так, как пересыпается песок в песочных часах, песчинка за песчинкой от первой до последней, а скорее так, как вливается вода в опущенный в воду сосуд, который сначала только одной стороной медленно и равномерно набирает в себя воду, а потом от тяжести уже влившейся в него воды вдруг быстро погружается и почти сразу принимает в себя всю ту воду, которую он может вместить»⁹⁴³. Таким образом, данный отдельными личностями толчок вызовет движение, которое будет идти все быстрее и быстрее, все расширяясь и расширяясь, подобно лавине, до тех пор, пока не повлечет за собой всю массу и не создаст нового уклада жизни. Тогда наступит время, «когда все люди, преисполненные Богом, избавятся от войны, перекуют мечи в плуги и копья в серпы, т.е. на нашем языке, когда все тюрьмы и крепости опустеют, а все виселицы, ружья и пушки

останутся без употребления...944 Тогда то, что казалось мечтой, найдет осуществление в новых формах жизни»945.

Версия #1

Зверобой создал 19 апреля 2025 02:19:30

Зверобой обновил 19 апреля 2025 02:23:14